

На правах рукописи

УДК: 811.111

Урусова Надежда Александровна

**ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ
БИОГРАФИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ
(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)**

Специальность: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(германские языки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2026

Работа выполнена на кафедре английской филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена».

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка и лингвострановедения федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Чемодурова Зинаида Марковна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Кононова Инна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»

Чекмаева Наталья Александровна

Ведущая организация:

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Защита состоится « 12 » мая 2026 года в 16:00 часов. на заседании Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 33.2.018.08, созданного на базе Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, по адресу 199004, г. Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 52, ауд. 48.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, корп. 5) и на сайте университета по адресу:

https://disser.herzen.spb.ru/Preview/Karta/karta_000001189.html

Автореферат разослан « » _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Камшилова Ольга Николаевна

Общая характеристика работы

Петербург относится к тем городам, которые занимают особое место в национальной символике, семиотике и культуре. Вокруг данного пространственного локуса с единой «мифопоэтической» доминантой сложился особый «петербургский текст» (В. Н. Топоров), созданный классиками русской литературы. Произведения основоположников Петербургского текста (Пушкина, Гоголя, Достоевского) широко известны на Западе, что способствовало превращению Петербурга в одну из лингвокультурных доминант российской культуры.

Образ города Петербурга, представленный в современном англоязычном биографическом повествовании, моделируется на основе психических переживаний (зрительных, температурных, слуховых и других ощущениях), на духовном опыте автора (Н. Д. Арутюнова, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров) и воспринимается не только как культурно специфичный (Ю. П. Болотина, А. С. Гальцова, Л. В. Набилкина), но и эмоционально, экспрессивно и эстетически значимый объект (И. В. Арнольд). В силу этого образ Петербурга в художественном тексте становится важным компонентом композиции, а используемые для его моделирования языковые средства отражают общую лингвокреативную стратегию автора, реализуемую в соответствии с индивидуально-авторской картиной мира.

В центре исследования – образ Петербурга (Petersburg), созданный англоязычными авторами в биографических повествованиях второй половины XX — начале XXI веков, местом действия которых и одним из ключевых факторов пространственно-временной организации текста является этот русский город. Выбор Петербурга не случаен: он относится к тем городам, которые занимают особое место в русско-центричном англоязычном дискурсе, и, обращаясь к «внешней» для английского языка (в терминологии В. В. Кабакчи) русской культуре, авторы отбирают такие концептуальные элементы, которые, по их мнению, будут понятны англоязычному читателю.

Специфика современных англоязычных биографических повествований, созданных в эстетике постмодернизма, обусловлена намеренной игрой автора в семантическом поле «фикциональность/фактографичность», позволяющей переплести исторические факты и вымышленность в художественном повествовании. Появившись в начале XX века как особый тип исторического романа, произведения, в семантике которых биографические и исторические факты искусно переплетаются с художественным вымыслом, получают всё большее распространение (З. М. Чемодурова, А. Gefen, А. Gibbons, G. Gudmundsdóttir, M. Lackey, M. Monluçon, A. Salha). Авторы подобных биографических нарративов, определяемых в данном исследовании как биофикциональные повествования, достаточно вольно обращаются как с историческими событиями, биографическими данными и особенностями личности реального

лица, так и с топографическими характеристиками репрезентируемого городского пространства.

Актуальность настоящего диссертационного исследования объясняется необходимостью комплексного рассмотрения, с использованием данных лингвокультурологии, интерлингвокультурологии, лингвистики текста и когнитивной стилистики, лингвокультурологических и стилистических аспектов художественного образа Петербурга (Petersburg) в современных англоязычных биофикциональных повествованиях, авторы которых намеренно проблематизируют достоверность предлагаемой истории жизни, размывая границы между фактографической реальностью и вымыслом. Актуальным также является изучение языковых средств, применяемых англоязычными авторами в процессе воссоздания исторической обстановки и географической локализации места действия, когда они обращаются к «внешней» (русской) культуре. Учет особенностей современной межкультурной коммуникативной ситуации позволяет утверждать, что лингвистические средства, используемые в англоязычном тексте для моделирования художественного образа русского города, репрезентируют ценностное отношение англоязычного общества к русской культуре и, в том числе, актуализируют дискурс о цивилизационных различиях и границе между Россией и Европой.

Степень научной разработанности темы исследования. Неоднозначная полидискурсивная природа современных англоязычных биографических повествований ставит перед исследователями таких произведений ряд сложных задач, одной из которых является определение конститутивных особенностей подобных текстов. Несмотря на достаточно большое количество лингвистических работ по этой проблеме (Н. В. Киреева, Ю. И. Коньшина, З. М. Чемодурова, A. Buisine, R. Dion, G. Gudmundsdóttir, L. Hutcheon, A. Jefferson, M. Lackey, M. Latham, A. Momigliano, M. Monluçon, J. Parini, J. B. Puech, A. Salha и др.) в современной науке нет единого подхода к определению ингерентных свойств художественных биографических повествований как типа текста. Некоторые исследователи относят их к историографической метапрозе (L. Hutcheon), другие причисляют к биофикциям (A. Buisine, M. Lackey).

Зарождение теории образов связывают с античным понятием *‘мимесиса’* и учением Аристотеля об искусстве как художественном подражании жизни и о связанном с этим эстетическим удовольствием. Разные аспекты теории образов рассматривались в философии (Г. В. Ф. Гегель, Э. Кассирер, К. Леви-Строс, Ж.-Ж. Руссо), стилистике (В. В. Виноградов, И. В. Арнольд) и психологии (А. Н. Леонтьев, З. Фрейд, К. Г. Юнг). Однако, с возникновением во второй половине XX века когнитивного подхода в науке образ стал трактоваться как когнитивный феномен, основанный на процессах генерирования смысла и рецепции (Р. Солсо). В XXI веке исследование художественного образа продолжается в рамках когнитивной парадигмы как российскими (Н. Д. Арутюнова, С. Г. Воркачев, Е. В. Лозинская, Ж. Н. Маслова, И. А. Тарасова), так и

зарубежными учеными (G. Fauconnier, J. Grady, D. S. Miall, A. Richardson, P. Stockwell, R. Tsur, M. Turner).

Образ Петербурга, сложившийся в отечественной литературе, изучался с позиций семиотики В. Н. Топоровым и Ю. М. Лотманом. В рамках лингвокультурологии изучается городское пространство (Л. В. Набилкина) и лингвокультурологический потенциал петербургской топонимии (А. С. Гальцова), а изучение языковых средств, используемых для моделирования образа Петербурга в англоязычных нехудожественных текстах, ориентированных на описание внешней (русской) культуры, происходит в русле теории межкультурной коммуникации (*интерлингвокультурологии* – термин В. В. Кабакчи) Ю. П. Болотиной. В связи со сложной полидискурсивной природой современных англоязычных биографических повествований, построенных как гибрид документальных и художественных текстов, изучение механизмов языкового моделирования художественного образа города Петербурга (Petersburg) представляет собой междисциплинарное исследование в русле современных направлений двух смежных лингвистических дисциплин – интерлингвокультурологии и лингвистики текста и дискурса.

Объектом исследования является художественный образ города Петербурга (Petersburg) в англоязычном биографическом повествовании, определяемом в работе как биофикциональное повествование.

Предметом исследования выступают языковые средства, используемые англоязычными авторами биофикциональных повествований для моделирования художественного образа Петербурга (Petersburg).

Объект исследования диктует отбор **материала**. Из всего многообразия англоязычных биографических повествований эпохи постмодернизма в работе рассматриваются три произведения, опубликованные в период с 1994 по 2016, авторы которых обращаются к русскоязычной культуре и в своем тексте моделируют образ русского города – Санкт-Петербурга. Это роман Дж. Кутзее «The Master of Petersburg» о Ф. М. Достоевском, произведение М. Брэдбери «To the Hermitage» о визите Д. Дидро в Россию времен Екатерины Великой и роман Дж. Барнса о Д. Д. Шостаковиче «The Noise of Time».

Целью диссертационного исследования является выявление механизмов языкового моделирования художественного образа Петербурга (Petersburg) в англоязычных биофикциональных повествованиях.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) проанализировать различные подходы к определению биофикционального повествования как типа текста и дать теоретическое обоснование термина *биофикция*;

2) выявить типологические признаки биофикционального повествования как типа текста;

3) разработать методику анализа образа инокультурного города в аутентичном англоязычном художественном тексте, ориентированном на описание «внешней» культуры;

4) дать определение термину *англоязычный петербургский дискурс* как одному из текстобразующих дискурсов в анализируемых биофикциональных повествованиях;

5) изучить роль лингвистических средств, вербализирующих русскокультурные реалии, в моделировании образа Петербурга (Petersburg) в англоязычном биофикциональном повествовании как тексте вторичной культурной ориентации;

6) выявить механизмы языкового моделирования художественного образа Петербурга (Petersburg) в биофикциональном повествовании, которые реализуют интерпретационную программу, закладываемую англоязычным автором в текст своего произведения.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют научные труды отечественных и зарубежных ученых по *межкультурной коммуникации и лингвокультурологии* (Н. Ф. Алефиренко, Е. В. Белоглазова, С. Г. Воркачев, Т. А. ван Дейк, В. В. Кабакчи), а также *лингвистике текста и дискурса* (В. Н. Андреева, Т. И. Воронцова, И. Р. Гальперин, Е. А. Гончарова, А. Г. Гурочкина, М. Я. Дымарский, Ю. М. Лотман, Дж. Серль, В. Н. Топоров, З. Я. Тураева, М. Фуко, З. М. Чемодурова, В. Е. Чернявская, И. А. Щирова), включая: исследования по *нарратологии* (В. Н. Андреева, В. Шмид), работы, посвященные проблемам *фикциональности и теории возможных и невозможных миров* (В. Н. Андреева, Х. Вайнрих, В. Ю. Клейменова, Д. Льюис, З. М. Чемодурова, И. А. Щирова, F. Lavocat, В. McNale) и исследования по *интертекстуальности и интердискурсивности* (И. В. Арнольд, М. М. Бахтин, Е. В. Белоглазова, З. М. Чемодурова, В. Е. Чернявская, L. Hutcheon); *стилистике* (И. В. Арнольд, Е. Б. Борисова, В. В. Виноградов); *семиотике* (Н. Д. Арутюнова, Р. Барт, С. Г. Воркачев, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, У. Эко); *когнитивной лингвистике* (Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, M. Turner), включая исследования по *теории концептуальной метафоры и концептуальной интеграции* (М. Джонсон, В. Ю. Клейменова, Дж. Лакофф, G. Fauconnier, J. Grady, M. Turner); *лексической семантике английского языка* (И. В. Арнольд, М. В. Никитин), в том числе по *топонимике* (В. А. Никонов, С. А. Питина); *литературоведению* (М. М. Бахтин, В. В. Виноградов, Д. С. Лихачев, В. И. Тюпа) и *когнитивной поэтике* (Е. В. Лозинская, Ж. Н. Маслова, И. А. Тарасова, D. S. Miall, A. Richardson, P. Stockwell, R. Tsur).

Междисциплинарный подход к изучению образа инокультурного города в англоязычных биографических повествованиях определил выбор **методов исследования**, которое проводилось как с использованием *общенаучных методов исследования* (сравнительно-сопоставительный и гипотетико-дедуктивный методы), так и с привлечением *лингвистических методов* (метод опосредованного наблюдения и экстраполяции, дискурсивный, лингвокультурологический, дефиниционный, контекстуальный, семантический анализ), дополненные элементами когнитивного анализа и литературоведческого анализа. Для анализа

фактического текстового материала использовались также отдельные приемы интертекстуального анализа и стилистики декодирования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Современное художественное биографическое повествование, определяемое в диссертационном исследовании как *биофикциональное повествование*, или сокращенно *биофикция*, представляет собой особый тип текста, объектом описания в котором является реальное биографируемое лицо, а структурно-семантическая модель текста характеризуется эксплицитной игрой с биографическими и фактографическими данными в семантическом поле «фактографичность/фикциональность».

2. К конститутивным свойствам биофикции как типа англоязычного биографического текста относятся а) игровые модификации категорий автора (субъекта) и персонажа (объекта), которые эксплицитно или имплицитно представлены смешением авто- и биографического модусов повествования; б) повествовательная фрагментарность, нарушающая хронологически-упорядоченную последовательность событий; в) эксплицитная фикциональность биографического повествования, акцентирующая асимметрию биографических данных и фикциональной реальности.

3. Англоязычный петербургский дискурс определяется в исследовании как совокупность тематически и лингвокультурологически связанных текстов на английском языке, объектом описания в которых является Petersburg (город Петербург) как лингвокультурная доминанта. Дискурсообразующим фактором для данного типа дискурса является использование английского языка для описания внешней (русской) культуры. На текстовом уровне оно представлено маркерами русскокультурной локализации текста – ксенонимами-русизмами, в частности, петербургскими урбанонимами и историко-культурными индексами. Концептуализация элементов русскокультурного контекста в англоязычном тексте осуществляется при помощи калькирования, гибридных образований и межкультурных аналогов.

4. Языковая репрезентация образа Петербурга в англоязычных биофикциональных текстах обусловлена актуализацией в англоязычном петербургском дискурсе семантических полей «климатические характеристики», «особенности ландшафта», «организация городского пространства», «экономико-социальные условия», «историческая значимость» и «духовно-культурный аспект». Различные механизмы языкового моделирования художественного образа Петербурга (Petersburg) определяют стилистическое своеобразие анализируемой лингвокультурной доминанты биофикционального повествования.

5. Созданный англоязычными авторами биофикциональных повествований образ Петербурга репрезентирует индивидуально-авторскую художественную картину мира, в которой моделирование ключевого локуса Petersburg обуславливает использование разнообразных маркеров интертекстуальности и интердискурсивности. Фактологическая основа изображаемого городского пространства творчески преобразуется авторами в

биофикциональной картине мира, в которой наблюдаются как произвольные искажения, вызванные лингвокультурной дистанцией, так и намеренные авторские модификации.

Научная новизна работы определяется тем, что впервые анализ лингвокультурологических и стилистических аспектов образа Петербурга (Petersburg) проводится на материале современных англоязычных биографических повествований, типологические свойства которых ранее не изучались в отечественной лингвистике. Выявлены такие конститутивные свойства современного англоязычного биографического повествования как подчеркнутая фикциональность биографического повествования, интенциональная авторская игра с фактографическим материалом и смешение автобиографического и биографического дискурсов, которые позволяют выделить его в особый тип текста, который обозначается в работе термином *биофикциональное повествование (биофикция)*.

Новым является подход к изучению образа Петербурга в англоязычном повествовании, ориентированном на русскую культуру, с позиции интерлингвокультурологии. В работе предложена методика когнитивно-дискурсивного анализа художественных биографических текстов внешней культурной ориентации, направленная на выявление лингвистических средств, используемых для моделирования художественного образа инокультурного города, и на определение маркеров фактографичности и маркеров фикциональности в них. Обоснован и введен в научный оборот термин *англоязычный петербургский дискурс*, который является одним из текстобразующих дискурсов в рассматриваемых повествованиях.

Теоретическая значимость выполненного исследования заключается в дальнейшей разработке положений лингвостилистики, когнитивной поэтики и лингвокультурологии для выявления языковых средств моделирования образа города с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы: выявление специфики репрезентации русского города в англоязычном повествовании вносит вклад в разработку проблем концептуализации культуронимов «внешней культуры» в художественных текстах; выявление таких особенностей интерпретационной программы, закладываемой англоязычными авторами в свой текст, как «интердискурсивность» и «когнитивный диссонанс», расширяет проблемное поле лингвостилистики.

Теоретически значимым для лингвистики текста и текстотипологии является выявление и систематизация конститутивных свойств современных биографических повествований, что позволяет выделить их особую разновидность – биофикциональное повествование (биофикция).

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при составлении спецкурсов и лекций по лингвистике текста и дискурса, текстотипологии, интерлингвокультурологии, межкультурной коммуникации, когнитивной поэтике, литературоведению, а также на семинарских занятиях по аналитическому чтению и зарубежной литературе. Предлагаемый подход может быть применен к определению конститутивных

свойств биофикциональных повествований, созданных на других языках. Предложенная методика анализа лингвистических средств создания художественного образа инокультурного города в художественном тексте внешней культурной ориентации, разработанная на материале английского языка, может быть использована для исследования художественных текстов на других языках.

Достоверность результатов проведенного исследования обеспечивается тщательным изучением и анализом теоретических работ по данной проблематике, а также последовательной внутренне непротиворечивой методикой, разработанной автором для анализа языковых средств, используемых англоязычными авторами при моделировании образа Петербурга в современном биофикциональном повествовании. Основные положения данной работы были выработаны и верифицированы с помощью соответствующих целей и задач исследования актуальных методов проведения лингвистических исследовательских работ.

Апробация результатов исследования. Основные положения, выводы и результаты исследования были апробированы на международных, российских и межвузовских научно-практических конференциях: Магия ИННО: лингвистика и лингводидактика в меняющейся системе координат (Москва, 2021 г.), Герценовские чтения: «Иностранные языки» (Санкт-Петербург, 2020, 2021, 2025 гг.), Всероссийская школа-семинар имени И. В. Арнольд «Язык. Текст. Коммуникация: проблемы и решения» (Санкт-Петербург, 2020 г.), конференция по когнитивной лингвистике «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен» (Нижний Новгород, 2021 г.); в выступлениях на заседаниях кафедры английской филологии РГПУ им. А. И. Герцена, а также в выступлении на заседании научного семинара ИМЛИ «Канон и память в литературе. Типологические и сравнительно-сопоставительные аспекты» (Москва, 23 сентября 2021 г.).

Основные результаты исследования отражены в восьми публикациях общим объемом 3,98 п. л. (авторский вклад – 3,61 п. л.), в том числе пяти статьях, напечатанных в рекомендованных Высшей аттестационной комиссией рецензируемых научных изданиях.

Объем и структура работы. Настоящее исследование состоит из введения, трех глав, сопровождающихся выводами, и заключения. Также в состав диссертации входит список литературы, с общим количеством 170 источников, включая 62 публикации на иностранных языках – английском и французском, – и списка использованных словарей (10 наименований), а также списка источников языкового материала. Также основной текст диссертации сопровождается приложением, предлагающим дополнительный иллюстративный текстовый материал. Общий объем диссертации составляет 186 страниц, из них 175 страниц составляет основное содержание работы и список использованной литературы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность диссертации, формулируются цели и задачи исследования, основные методы исследования и основные положения, выносимые на защиту, определяются объект и предмет проведенного исследования, новизна, теоретическая и практическая значимость работы, описывается материал и структура исследования и даются сведения об апробации диссертации.

В **Главе 1 «Современное биографическое повествование как репрезентация индивидуально-авторской картины мира»** излагаются теоретические основы исследования и рассматриваются конститутивные особенности данного типа текста.

Биографические повествования, которые отобраны для нашего исследования, представляют собой разновидность художественного нарратива, для обозначения которой мы предлагаем использовать термин *биофикциональное повествование*, или сокращенно *биофикция*. Биофикция – это особый тип текста, объектом описания в котором является **реальное** биографируемое лицо, а структурно-семантическая модель характеризуется эксплицитной игрой с биографическими и фактографическими данными в семантическом поле «фактографичность/фикциональность». Авторская игра проявляется асимметрией референтных отношений (Я. В. Быстров) «объективная биографическая данность» – «изображенная жизнь», «субъект» – «объект» повествования, «реальное биографическое время и пространство» – «хронотоп художественного повествования», которая основана на когнитивном механизме инконгруэнтности, под которой понимается результат концептуальной интеграции нескольких ментальных пространств, нарушающий ожидания адресата и подлежащий интерпретации (О. Я. Палкевич).

Конститутивными признаками биофикционального повествования как разновидности художественного текста, реализующимися вариативно в различных авторских биофикциях, являются:

1. антропоцентризм, характеризующийся экспериментальными модификациями категорий автора (субъекта) и персонажа (объекта), которые эксплицитно или имплицитно представлены смешением авто- и биографического модусов повествования, способного спровоцировать у читателя чувство неуверенности в онтологическом статусе представленного жизнеописания;

2. нарративная (или коммуникативно-творческая) стратегия, фокусирующая внимание читателя не на хронологически-упорядоченной последовательности событий, а на эмоциональном или психологическом состоянии объекта повествования, и отражающая индивидуально-авторскую интерпретацию биографического субстрата повествования;

3. фрагментарность, проявляющаяся в пространственно-временной структуре биофикционального повествования;

4. эксплицитная фикциональность биографического повествования, акцентирующая асимметрию биографических данных и фикциональной реальности;

5. двойная адресация, реализующая постмодернистский принцип двойного кодирования;

6. игровой модус повествования, представленный интенциональной игрой с биографическим и фактическим материалом в семантическом поле «фактографичность/фикциональность», на текстовом уровне проявляющийся разнообразными маркерами интертекстуальности и интердискурсивности.

Биофикция – это такой тип художественного жизнеописания, объектом описания которого является реальная историческая личность. Однако авторы биофикциональных повествований проблематизируют «истинность» предлагаемой истории жизни, размывая границы между реальными событиями и их интерпретацией в «романизованном» нарративе (Н. В. Киреева, Я. В. Быстров, М. Laskey), моделируя биографические факты так, чтобы превратить протагониста своего повествования в некий обобщенный художественный символ. Например, биография Д. Д. Шостаковича нужна Дж. Барнсу, автору биофикции «The Noise of Time», как основа для создания нового художественного символа – художника, который выжил в условиях тоталитаризма (J. Lasdun) и представляет собой три фрагмента из жизни советского композитора. Дж. М. Кутзее, автор биофикции «The Master of Petersburg», использует вымышленный эпизод из жизни Ф. М. Достоевского для размышления над волнующими его вопросами о природе творчества и роли творческой личности в истории (З. М. Чемодурова), вставляя в свое повествование эпизоды, которые служат интертекстуальными отсылками к произведениям русского классика. Вопросы жизни и смерти, судьбы и творческого наследия, а также того, как воспримут потомки созданные произведения, являются центральной темой биофикционального повествования М. Брэдбери о поездке французского философа Д. Дидро в Россию. Тот факт, что это последнее произведение писателя, написанное при жизни, заставляет предположить, что изображенные в «To the Hermitage» мысли знаменитого философа эпохи Просвещения вербализируют размышления самого Брэдбери.

Биофикциональное повествование, конститутивной особенностью которого является эксплицитное подчеркивание вымышленности, свидетельствует, что не существует однозначной оппозиции «реальность/вымысел», так как любой художественный текст – это один из возможных референциальных миров, а основой вымысла может быть и стремление закрыть лакуны в человеческих знаниях (И. А. Щирова). «Градус» достоверности определяется «степенью удаленности» (В. Ю. Клейменова) фикционального мира от внетекстовой реальности, и читатели должны сами оценить степень «достоверности»-«недостоверности» представленных биографических данных.

Одной из когнитивных доминант картины мира любой культуры является пространственная модель универсума, воспроизводящая пространственный облик вещного мира, на базе которой формируется индивидуально-авторская пространственная картина мира, воплощающаяся в тексте художественного произведения. Важное значение при моделировании художественного пространства играет перцептуальное различие «ФИГУРА – ФОН», а также простые пространственные когнитивные структуры (образ-схемы), которые детерминируют концептуальную систему человека.

Пространственно-временная структура (хронотоп) современного англоязычного биофикционального повествования характеризуется асимметричным взаимодействием фрагментированного пространства и фрагментированного биографического времени. Художественное пространство вербализуется лексическими единицами с пространственным значением и/или выражающими пространственные отношения. На стилистическом уровне моделирование художественного пространства биофикций осуществляется такими стилистическими приемами, как синтаксический параллелизм и повторы, выступающими своеобразными скрепами фрагментированного пространства.

В Главе 2 «Теоретические аспекты изучения художественного образа» представлены теоретические предпосылки изучения художественного образа города в рамках современной когнитивной парадигмы и излагается разработанный алгоритм когнитивно-дискурсивного анализа образа инокультурного города в художественном повествовании, ориентированном на описание «внешней» культуры.

Художественный образ трактуется как выраженный вербально литературный образ, репрезентирующий авторскую концептосферу в художественном тексте, воздействуя эстетически и эмоционально на воспринимающее сознание читателя. Его языковая структура, предложенная И. В. Арнольд (обозначаемое, обозначающее, основание сравнения, отношение между обозначаемым и обозначающим, техника сравнения и грамматические и лексические особенности сравнения), становится результатом реализации в образной ткани художественного произведения когнитивного механизма концептуальной интеграции, описанного Ж. Фоконье и М. Тернером: при взаимодействии двух исходных ментальных пространств – области источника (обозначаемое) и области цели (обозначающее), образуются общее пространство, содержащее общие концептуальные структуры (основание сравнения) и новое смешанное пространство, включающее новую эмергентную структуру, значение которой активируется контекстом (эстетическое значение). Таким образом, в рамках когнитивной парадигмы художественный образ, сознательно моделируемый автором в тексте художественного повествования, может рассматриваться как метафорическая проекция разных ментальных пространств.

В то же время в художественном образе не только обобщаются результаты индивидуальной рецепции, но и представлен культурный код, общий для данной этнокультуры. Пространственный художественный образ

Petersburg репрезентирует особенности концептуализации русскокультурного феномена «Петербург» англоязычными авторами. Вокруг данного пространственного локуса сложился особый «петербургский текст», который выступает как универсальный прецедентный феномен, известный зарубежному читателю. По аналогии с городским (петербургским) дискурсом, выделенным А. С. Гальцовой, все сообщения на английском языке, тематически соотнесенные (эксплицитно или имплицитно) с географическим пространством «Petersburg (город Петербург)», можно объединить в англоязычный петербургский дискурс, к которому относятся и рассматриваемые в нашем исследовании современные англоязычные биофикциональные повествования.

При включении русского города в художественное пространство англоязычных повествований авторы обращаются к специальным языковым единицам, ксенонимам, которые служат маркерами русскоязычной культурной локализации и позволяют авторам реализовать установку на аутентичное моделирование инолингвокультурного контекста.

Для определения роли художественного образа Петербурга (Petersburg) в смысловой структуре англоязычного биофикционального повествования используется авторская методика когнитивно-дискурсивного анализа, созданная на основе методики дискурсивного анализа текста В. Е. Чернявской и разработанном В. В. Кабакчи и Е. В. Белоглазовой методе опосредованного наблюдения и экстраполяции, которые дополняются элементами лингвокультурологического анализа (И. А. Тарасова), когнитивного анализа (Ж. Н. Маслова, P. Stockwell) и литературоведческого анализа. Три последовательных этапа анализа направлены на выявление элементов фактографичности – фикциональности при авторском моделировании художественного образа города в исследуемом тексте:

1. определение типологических особенностей исследуемых текстов на основе лингвистических данных; сбор лингвокультурологической информации для определения фоновых и экстралингвистических связей;

2. выявление маркеров объективного характера пространства (абсолютных пространственных характеристик) и определение его фактографической основы путем выявления топографических и историко-культурных индексов;

3. выявление маркеров субъективного (фикционального) характера пространства и определение индивидуально-авторского наполнения: относительных пространственных характеристик, доминирующих микролокусов, лингвокультурологических и дискурсивных характеристик фрагментов текста, относящихся к выявленным микролокусам; определение когнитивной доминанты с помощью принципов выдвижения и синтез доминирующих характеристик в единый художественный образ города.

Выявленные маркеры объективного и субъективного характера моделируемого пространства позволяют определить качественные характеристики (лингвокультурологические и стилистические) художественного пространства моделируемого города Петербурга

(Petersburg), вербализация которых происходит лексико-семантическими, звуко-ритмическими и синтаксическими средствами, отобранными автором англоязычного биофикционального повествования для репрезентации микрообразов точечных локусов, участвующих в формировании макрообраза Petersburg.

В Главе 3 «Языковое моделирование художественного образа Петербурга (Petersburg) в текстах биофикционального повествования» представлен анализ лингвокультурных и стилистических единиц, используемых англоязычными авторами для репрезентации русскокультурного города Петербурга в тексте созданного ими биофикционального повествования с целью реализации авторской установки на фикциональную игру, которая позволит создать у читателя «иллюзию правдивости повествуемого» (В. А. Андреева).

Фактографическая основа образа Петербурга вербализируется разнообразными лингвокультурными языковыми средствами. Англоязычные авторы демонстрируют знакомство с реальной топонимикой Петербурга, широко используя петербургские урбанонимы, которые, в том числе, обозначают прецедентные городские объекты Петербургского текста (*Nevsky Prospekt, the Hermitage, Haymarket district*). В то же время, доминантный игровой модус повествования, реализующийся интенциональной игрой в семантическом поле «фактографичность/фикциональность», отражается и на представлении топографических данных: авторы вводят в свое биофикциональное повествование несуществующие городские микролокусы (*Stolyarny Quay*) или наделяют реальные микролокусы несуществующими характеристиками (*Elagin Island* – Елагин остров, на котором Дж. Кутзее разместил кладбище).

Фикциональность анализируемых повествований обозначается как паратекстуальными сигналами – обозначение «novel (роман)» на обложке, публикация в издательстве Vintage Fiction, эпиграфы и посвящения как составная часть текста, – так и на текстуальном уровне посредством интерпретационной программы, заложенной автором в текст биофикционального повествования для своего читателя.

Пространство Петербурга в биофикции Дж. Кутзее «The Master of Petersburg» представлено несколькими точечными локусами, среди которых доходный дом (*a tenement building*) №63 на Свечной улице и дроболитная башня (*the old shot tower*) на Столярной набережной. Описание дома, расположенное в сильной позиции начала повествования, настраивает читателя на определенный образ Петербурга XIX в. – Петербурга нищеты и разложения: «*Before a tall tenement building the driver reins in his horse. <...> No. 63, one of the older dwellings <...>. Indeed, a web of beams and struts crosses its face at mid-level, giving it a hemmed in look*». Этот микрообраз задает основную тему в авторской репрезентации русской столицы – «бедности», которая актуализируется следующими лексико-семантическими и образными средствами: *scarred and peeling exteriors, the older houses, rickety wooden structures, warrens of rooms and cubicles, the homes of the very poorest* и

a dark, hook shaped passageway. Когнитивной доминантой репрезентации дроболитной башни является “заброшенность”: «*The tower on Stolyarny Quay has stood since Petersburg was built, but has long been disused*», – вербализируемая такими образными деталями, как *a painted sign warning off trespassers, the great nail-studded doors are bolted and locked, the small back door has long ago been kicked in by vandals, ordure and mouldering masonry*. Однако, несмотря на детальную прорисованность дроболитной башни на Столярной набережной, ни такой набережной, ни самой башни не существовало в городском пространстве Петербурга. Этот вымышленный локус вызывает чувство когнитивного диссонанса у билингвального читателя, знакомого с картографией русской северной столицы, и является одним из сигналов интенциональной игры автора со своим читателем в семантическом поле «фактографичность/фикциональность».

Выстраивая городское пространство, Кутзее избирает характерную для Достоевского повествовательную стратегию, при которой город воспроизводится через восприятие человека, блуждающего по лабиринту городских улиц (P. Mitchell). Однако, в эпоху постмодернизма город больше не является объективной реальностью – она трансформируется в множественную субъективность. У каждого человека своя когнитивная карта, представляющая собой сумму всех пройденных маршрутов, «след, настолько же уникальный, как и отпечаток пальца» (J. Raban). В своем произведении Кутзее воспроизводит своеобразную ментальную карту Петербурга Достоевского, слотами которой являются прецедентные топографические объекты Петербургского текста: *the Haymarket quarter, Svechnoi Street, Sadovaya Street, Kokushkin Bridge, Meshchanskaya Street, the Voznesensky Prospekt, Petrovsky Island, Vasilevsky Island, Moskovskaya quarter, Gorokhovaya Street, the Fontanka Canal*. Кутзее моделирует не образ Петербурга конца XIX в., а его преломление в воспринимающем сознании своего персонажа Достоевского, и выбранные топографические объекты отражают авторскую рефлексии об истоках творчества и связанную с ней семантическую игру «фактографичность/фикциональность».

Предлагая англоязычным читателям современную интерпретацию Петербурга Достоевского, Дж. Кутзее создает сложное интертекстуальное повествование, включающее биографические факты из жизни Ф. М. Достоевского, автобиографические элементы из собственного опыта автора, аллюзии на романы русского классика и вымышленные компоненты. Доминантными характеристиками в его образе Петербурга становятся страдание, отчаяние и крайняя нужда, которые практически ведут к гибели.

Для М. Брэдбери Petersburg – это северная столица. На первых же страницах биофикции «To the Hermitage» описывается блестящий и роскошный Эрмитаж, в котором расположился великий Северный двор (*the shining corridors of the Hermitage, the great Court of the North*). Представляя Эрмитаж читателю, Брэдбери не отказывает себе в ироничной лингворефлексии, указывая на французское происхождение этого названия и его антитетическую семантическую трансформацию при идентификации

русского дворца: из пристанища философа-отшельника Эрмитаж превратился в самое деловое, шумное и блестящее место на земле: «*The place has even acquired a good French name for itself: for doesn't Her Serene Majesty's other admired philosopher, Voltaire, live at a Hermitage in Ferney, and Rousseau think away in another? Here then is hers: one of the busiest, noisiest, biggest, brightest places of retreat and quiet contemplation in the world*». В этом микроконтексте игровой модус повествования реализуется при помощи оксюморонного сочетания *the busiest, noisiest, ... places of retreat and quiet contemplation* и риторического вопроса *for doesn't Her Serene Majesty's other admired philosopher, Voltaire, live at a Hermitage in Ferney, and Rousseau think away in another?*

Используя разнообразные механизмы выдвижения и маркеры интердискурсивности как сигналы семантической игры «фактографичность/фикциональность», Брэдбери обыгрывает культурную, «цивилизационную» оппозицию «западное» – «русское», элементы которой метонимически представлены французским философом Дидро вместе с европейской научной экспедицией «Diderot Project» и Эрмитажем в Петербурге, соответственно. В рамках картины мира Малкольма Брэдбери Россия остается холодным и темным пространством, завораживающим призрачным блеском и богатствами, а Петербург занимает особое положение на стыке цивилизационных границ («*a French city in the north*»), представляя собой гибридное постмодернистское пространство: «*This northern Palmyra has been forged from all the different fashions, torn from all the tastes: Italian, German, Dutch, French, English, romanesque, classical, oriental, baroque. Everything's mixed together, turned into opera, stage-set, travesty, pastiche*», – пространство, вобравшее в себя этнокультурные характеристики разных стран и национальностей.

Дж. Барнс создает трагический образ советского Ленинграда, в котором преобладает только одна нота – политический террор, на текстовом уровне воплощенный микрообразом *The Big House*. Неофициальное народное название здания управления НКВД встречается в тексте произведения 11 раз, а все остальные микролокусы города упоминаются однократно и описываются односложно, без подробностей. Именно микрообраз «Большого Дома» создает основу формирования художественного образа Петербурга (макрообраз) в биофикции «The Noise of Time»: «...*Power, as it expressed itself to people like him in Leningrad, resided in the Big House. Many who went into the Big House on Liteiny Prospekt never emerged again*». Семантическая калька *Power* актуализирует семантические поля AUTHORITY, CONTROL и FORCEFULNESS. В тематический ряд органов власти и управления (AUTHORITY) включаются лексические единицы *officials, bureaucrats, politicians, resided in the Big House*. Тема силы, влияния (FORCEFULNESS) реализуется глаголами говорения *talked, whispered, hinting* и словами *Conversation, publicly, a face-to-face, it expressed itself to people*. Тема контроля (CONTROL) выражена глаголами и некоторыми другими лексическими единицами, показывающими тоталитарную власть, основанную на запугивании, подавлении и

уничтожении непокорных: *ultimata, humiliated, taken away his livelihood, ordered him to repent, not want him to live, never emerged again.*

Интердискурсивным сочетанием политического дискурса (*Power, NKVD*) и биографического моделируется игровая неопределенность времени и пространства. Пространство города структурировано относительно воспринимающего сознания Шостаковича. Конфигурация пространства соответствует зрительному восприятию с позиции участника событий: «*a boy standing in front of the apartment building*», «*he had been backstage at the Small Hall of the Conservatoire*», «*he would stand on a street corner*». Через восприятие главного героя моделируется такое свойство городского пространства как протяженность: «*he reached the Big House*», «*dragged from the apartment*», «*one of his <...> nightmares was that the NKVD would <...> pack her off*». В целом, пространство Петербурга-Ленинграда в биофикции Дж. Барнса мало детализировано и статично, профилирование других относительных пространственных характеристик не выявлено, что в терминах соотношения ФИГУРА-ФОН характеризует Петербург как ФОН для событий из жизни Д. Д. Шостаковича (ФИГУРА). В то же время авторская игра в семантическом поле «фактографичность/фикциональность» реализуется многочисленными интертекстуальными отсылками, заглавной из которых является само название «Шум времени», отсылающее к одноименному эссе О. Мандельштама, петербургского поэта, чьи произведения входят в Петербургский текст.

Моделируя образ Петербурга, англоязычные авторы во многом ориентируются на русскую классическую литературу, а именно на Петербургский текст русской литературы как универсальный прецедентный феномен, который определяет круг тем и семантических компонентов, ментальной проекцией которых на текстовом уровне выступает система микрообразов. В результате проведенного анализа были выявлены следующие семантические компоненты художественного образа Петербурга (Petersburg), характерные для Петербургского текста: а) языковые средства, репрезентирующие природную сферу – дождь (*rain, gusts of rain*), снег (*snow, snowflakes*), ветер (*A high wind blows, a crazily swinging lamp*), холод (*cold, icy wind, ice on the ground, the cold creeping through his boots*), вода (*up the black waters of the canal, the gurgle of water, along the river*), туман (*a misty day*), мерцающий свет (*moonlight and shadow, Petersburg glinting in the rain, glow against the twilight*), призрачность (*like ghost-vision*), простор (*the bare fields*), незаполненность/пустота (*the bare embankment*); б) языковые средства, репрезентирующие социально-экономическую сферу – скученность населения (*the streets are still thronged, the press of people*), голод, нищенство и безвыходные условия существования (*famished children waiting for the angel of death, the miserable material circumstances of this cellar, ill-dressed, paupers and beggars, the poorest of our black poor of Petersburg*); в) языковые средства, репрезентирующие духовно-культурную сферу – антропонимы, обозначающие прецедентных писателей (*Pushkin, Gogol, Dostoyevsky, Mandelstam, Akhmatova*), интертекстуальные отсылки к их произведениям и

прямые цитаты, упоминаются литературные персонажи (*Eugene Onegin, Tatyana, Chichikov*) и значимые памятники искусства (статуя *the Bronze Horseman*, музыка Прокофьева и Шостаковича), фигуры русской истории, деятельность которых связана с Петербургом (*Peter the Great, Catherine the Great, Lenin*).

Заключение

Проведенное исследование лингвистических средств моделирования образа Петербурга в современном англоязычном биографическом повествовании основывается на понимании художественного образа в рамках современной когнитивной парадигмы. В художественном образе города сливаются воедино языковая и концептуальная деятельность, основанная на телесной стороне (*embodiment*) существования человека. Однако выбор точечных локусов и микрообразов, на которых будет сосредоточено внимание читателя благодаря используемым писателем различным механизмам выдвижения, определяется индивидуально-авторской картиной мира и творческой интенцией автора.

Обращаясь к описанию «внешней» (русской) культуры, повествуя о жизни значимых личностей российской истории и культуры, англоязычные авторы выбирают Петербург местом действия своих повествований, что отражает роль Петербурга как лингвокультурной доминанты российской культуры в восприятии англоязычной читательской аудитории. Проведенный анализ показал, что англоязычные авторы-постмодернисты моделируют пространство Петербурга с помощью семантических компонентов, сформировавшихся на основе Петербургского текста русской литературы как универсального прецедентного феномена, прибегая к стратегиям интертекстуальности и интердискурсивности как одним из основных стратегий создания биофикций.

Проведенный анализ установил, что когнитивной доминантой построения биофикциональных повествований является фикциональность, основой которой выступает доминантный игровой модус повествования, представленный интенциональной игрой в семантическом поле «фактографичность/фикциональность». Эксплицитно представленные в образе города фикциональные элементы (метафорические проекции, разнообразные изобразительно-выразительные средства, ирония, естественная и инсценируемая интердискурсивность, на текстовом уровне выражающаяся игровым монтажом пяти основных дискурсов (англоязычного петербургского, биографического, автобиографического, исторического и политического) и нарушение «симметрии» топографических данных) приводят к размытости границ между правдой и вымыслом, что провоцирует возникновение когнитивного диссонанса у читателя, хорошо знакомого с топографией, историей и культурой Петербурга. В то же время, включая в текст своего повествования реальные топографические, исторические и культурные объекты и смешивая их с элементами вымысла, авторы предлагают читателям поверить всему концептуальному содержанию

биофикционального повествования.

Одним из перспективных направлений исследования представляется дальнейшее выявление механизмов, обуславливающих синергическое взаимодействие фикциональных и фактологических элементов в биофикциональном повествовании при моделировании внетекстовой реальности, дальнейший анализ конститутивных свойств данного типа текста, а также дальнейшая систематизация языковых средств, способствующих превращению исторического лица в символическую фигуру. Разработанный в диссертации алгоритм анализа образной системы англоязычных биофикциональных повествований, в фокусе которых элементы русской культуры, может быть экстраполирован на выявление национально-культурных особенностей биофикций, созданных на других языках.

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук (Перечень ВАК):

1. Урусова, Н. А. Когнитивный диссонанс в англоязычном биофикциональном дискурсе / Н. А. Урусова // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3(46). – С. 676–679. (0,28 п. л.).
2. Урусова, Н. А. Интердискурсивность биофикционального повествования: образ Петербурга в романе М. Брэдбери "To the Hermitage" / Н. А. Урусова // Дискурс. – 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 119–130. – DOI 10.32603/2412-8562-2021-7-4-119-130. (0,75 п. л.).
3. Урусова, Н. А. Художественный образ как когнитивный феномен / Н. А. Урусова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2021. – № 1. – С. 61–72. (0,8 п. л.).
4. Урусова, Н. А. Лингвокультурологические особенности образа Петербурга в биофикциональном повествовании Дж. Кутзее "The Master of Petersburg" / Н. А. Урусова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 125–134. – DOI 10.31079/1992-2868-2022-19-1-125-134. (0,6 п. л.).
5. Урусова, Н. А. Петербургский текст и англоязычный петербургский дискурс / Н. А. Урусова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2025. – № 2(37). – С. 107–111. (0,3 п. л.).

Публикации в других изданиях:

6. Урусова, Н. А. Лингвокультурологические особенности романа Дж. Барнса "Шум времени" / Н. А. Урусова, З. М. Чемодурова // Исследования языка и

современное гуманитарное знание. – 2020. – Т. 2, № 2. – С. 81–92. – DOI 10.33910/2686-830X-2020-2-2-81-92. – EDN OFVIDJ. (0,75 п. л. / 0,38 п. л.).

7. Урусова, Н. А. Механизмы выдвижения образа Петербурга в постмодернистском биографическом романе Дж. Кутзее / Н. А. Урусова // Герценовские чтения. Иностранные языки : Сборник научных трудов. – Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2020. – С. 347-350. – EDN KOMJZX. (0,25 п. л.).

8. Урусова, Н. А. Механизмы выдвижения в современном биографическом повествовании (на материале произведения М. Брэдбери “to the Hermitage”) / Н. А. Урусова // LXXV Герценовские чтения. Иностранные языки : Сборник научных статей международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14–15 апреля 2022 года. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2022. – С. 257-260. – EDN UAAQOA. (0,25 п. л.).